

А.Э. Шукурова
A.E. Shukurova

**ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1812 года
В ГАТЧИНСКОМ ДВОРЦЕ**

**MEMORY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812
IN THE GATCHINA PALACE**

Память о войне 1812 года можно было найти в Гатчинском дворце. По указанию Александра II были созданы два интерьера: Желтый зал и Гостиная Николая I. В Гостиной экспонировались семейные портреты Прусского королевского дома, а в Желтом зале – портреты генералов 1812 года Дж. Доу из коллекции Николая I. В комнатах Александра III хранилась пара пистолетов с памятными надписями и вензелем Александра I. Когда дворец стал музеем, в экспозиции этой войне были посвящены «Зал карельской березы» и «Зал 1812 года».

The memory of the Patriotic War of 1812 could be found within the Gatchina Palace. Two interiors were created at the direction of Alexander II: the Yellow hall and the Living Room of Nicolas I. Family portraits of the Prussian Royal House were exhibited in the Living Room, and portraits of the generals of 1812 by J. Dow from the collection of Nicolas I were exhibited in the Yellow Hall. A couple of pistols were stored in the rooms of Alexander III with memorial inscriptions and monogram of Alexander I. When the palace became a museum, the «Hall of Karelian birch» and «Hall of 1812» were dedicated to the exposition of this occasion.

Ключевые слова: Гатчинский дворец, Отечественная война 1812 года, память, коллекции.

Keywords: Gatchina Palace, the Patriotic War of 1812, memory, collections.

«Гроза 1812 года» обошла стороной Гатчинский дворец. Тем не менее, следы памяти этого эпохального события можно было найти в стенах дворца. К середине XIX в. события первой Отечественной

войны и борьбы с наполеоновской Францией стали неотъемлемой частью семейной истории Романовых. Об этом красноречиво свидетельствуют два интерьера, созданные в 1865 г. по личному указанию Александра II: Желтый зал третьего этажа Центрального корпуса и Гостиная Николая I в Арсенальном каре.

Для Александра II наполеоновские войны были не только важной вехой в истории родной страны, самодержцем которой он являлся, но и теми непостижимыми путями судьбы, которые сыграли решающую роль в жизни его родителей. Патриотический подъем на волне победы над Наполеоном связал Россию и Пруссию. Взаимную симпатию и дружеские чувства питали друг к другу главы обоих государств: император Александр I и Фридрих-Вильгельм III¹ и королева Луиза². Вполне в духе феодальной традиции и романтических настроений того времени монархи надеялись скрепить политический союз династическим браком между младшим братом императора, великим князем Николаем Павловичем, и принцессой Шарлоттой Прусской.

Известно, что великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам было позволено приехать к русской армии только после вступления союзных войск в Париж в 1814 г. Путь небольшой свиты братьев императора-победителя лежал через Берлин, столицу Пруссии. И там великий князь Николай познакомился с принцессой Шарлоттой, старшей дочерью короля Фридриха-Вильгельма III. Как писал в своих воспоминаниях Николай I, эта встреча определила «щастие всей его жизни»³. Через три года молодые люди обвенчались. Это был несчастный случай в истории, когда политический союз стал браком по любви.

Принцесса Шарлотта, когда стала великой княгиней Александрой Федоровной, принесла в свою новую семью культ матери, королевы Луизы, которая была в Пруссии знаменем борьбы с Наполеоном. Как отмечали исследователи, императрица Александра Федоровна почти во всех дворцах, где у нее были собственные покои, устраивала своего рода сентиментальные святилища памяти своей родительницы. Там Александра Федоровна помещала живописные

и скульптурные портреты королевы Луизы, которые она украшала цветами в день ее рождения. Принцесса Шарлотта лишилась любимой матери в возрасте двенадцати лет, все чувства семейной привязанности девочки перенеслись на осиротевших братьев и сестер. И став русской великой княгиней, а затем и императрицей, Александра Федоровна очень дорожила крепкими связями со своей семьей, поддерживала переписку с родными, часто навещала родной Берлин.

Ее сын, император Александр II, с детства впитал дух этого поклонения. Поэтому неудивительно, что в 1865 г. в Гостиной Николая I Гатчинского дворца с помощью портретов был устроен красноречивый «алтарь», в котором главное место занимало изображение королевы, «прусской мадонны».

Если рассматривать убранство этой комнаты по отдельным составляющим элементам (мебель, бронза и т.д.), то это характерный интерьер в стиле «бидермайр» в богатом аристократическом доме. И не отличалась бы эта гостиная от десятков таких же в Петербурге, Вене или Париже. Но совершенно другой, торжественный, почти возвышенный характер придали Гостиной портреты.

Итак, повторимся, главный смысловой акцент убранства Гостиной – портрет королевы Луизы кисти Георга Канненгиссера⁴. И тут хотелось бы обратить внимание на несколько деталей. Во-первых, это посмертное изображение. И едва ли при жизни эта молодая прелестная женщина была настолько тверда и непреклонна, подобно героиням римской истории. На портрете в Гостиной Гатчинского дворца королева Луиза выступала вовсе не сентиментальной *mater familias* или юной красавицей. Она изображена в полный рост, не только во всем блеске своей прославленной красоты, но и истинного величия. Королева в белом платье стоит на фоне красной драпировки, опираясь на столик, на котором лежит корона, ее гордо поднятую голову увенчивает диадема, а рукой она поддерживает тяжелые складки мантии. Георг Канненгиссер написал этот портрет в 1853 г., когда после смерти королевы прошло более сорока лет⁵. Место памяти прекрасной женщины прочно занимает миф о королеве – матери Отечества, героине, вдохновляющей народ Пруссии на борьбу

с «корсиканским чудовищем», Наполеоном Бонапартом. Такой же портрет находился в Берлине в Королевском дворце. Вполне возможно, что авторское повторение было специально заказано императрицей Александрой Федоровной⁶.

В 1814 г. король Фридрих-Вильгельм III учредил орден королевы Луизы в память о своей покойной супруге. Первоначально им жаловались женщины за уход за ранеными и больными военнослужащими в ходе войн 1813–1814 гг. Позже этот орден стал династической наградой Прусского королевского дома. Поэтому вполне понятен выбор дам, чьи изображения находились рядом. Справа – принцесса Марианна Прусская⁷, удостоенная этого ордена как ближайшая соратница королевы Луизы в партии войны. Принцесса Марианна обратилась с «Воззванием королевских принцесс к женщинам прусского государства» и основала Женский патриотический союз. Она призывала соотечественниц пожертвовать своими золотыми украшениями на нужды армии, а в обмен им давали железные кольца или броши с надписью «Gold gab ich für Eisen»⁸. Тогда появилась мода на железные украшения, дамы носили ожерелья, броши, даже обручальные кольца с патриотическими надписями («Для благосостояния нашей Родины» или с портретами короля). Гатчинская картина – реплика портрета, написанного Вильгельмом Шадовым⁹ во вкусе немецкого романтизма, в короне, на фоне пейзажа. Слева – портрет герцогини Фредерики Ангальт-Дессаусской¹⁰, которая приходилась племянницей и королеве Луизе и Фридриху-Вильгельму III. Еще раз повторим, что все три портрета – это повторения или копии, заказанные с оригиналов, которые находились в собраниях королевских дворцов Берлина. Едва ли можно утверждать, что это случайное совпадение.

Хотелось бы добавить, что на противоположной стене Гостиной можно было увидеть портреты другого прусского монарха – Фридриха II Великого. И можно предположить, что главной «темой» Гостиной была именно история Прусского королевства. Причем не в обычном сентиментальном ключе родственно-семейных связей, столь свойственном императрице Александре Федоровне. Трудный

путь, в котором были страницы славных побед Фридриха II и горечь поражений периода наполеоновских войн. Но любовь к родине даже в годы политического унижения государства заставляла проявляться лучшие черты прусских женщин, которые верили в победу и стойко переносили тяготы военного времени. И в такие тяжелые моменты для страны изнеженная молодая королева, беспечная легкомысленная красавица, смогла стать символом борьбы за свободу Отечества, ведь именно королеву Луизу, а не ее супруга, в прусском обществе воспринимали как непримиримого врага Наполеона.

Другим залом, ставшим мемориалом воинской памяти войны 1812 года стал Желтый зал.

Здесь в 1865 г. по приказу императора Александра II были размещены портреты из коллекции его отца¹¹. Полотна кисти Джорджа Доу¹² и Александра Зауэрвейда¹³ входили в личное собрание Николая I и первоначально находились в Аничковом дворце. В декабре 1865 г. их перевезли в Гатчинский дворец. Не сразу было определено место, куда их поместить: предполагалось развесить картины в бельэтаже Арсенального каре на половине великой княгини Елены Павловны, состоявшей из трех комнат (башенной, гостиной и опочивальни). Однако в силу тех или иных причин портреты там не поместились, поэтому решено было дождаться личного распоряжения императора¹⁴.

Все люди, портреты которых Николай I включил в свою коллекцию, были близки и дороги ему самому, как императору и человеку, напоминали о каких-то важных событиях его жизни. Прежде всего, это участие в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 гг., а также, возможно, связь с лейб-гвардии Измайловским полком, шефом которого Николай был с 1800 г. и до самой смерти, болезненные воспоминания о восстании 1825 г. и суде над декабристами. Так, генерал Храповицкий¹⁵ был командиром Измайловского полка во время войны 1812 года, в этом полку начинал службу Павел Петрович Мартынов¹⁶, который потом принял командование измайловцами. Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену¹⁷, участнику Заграничных походов, при восшествии на престол

Николай I прислал фельдмаршалский жезл. От рук восставших на Сенатской площади погиб граф Михаил Андреевич Милорадович¹⁸. Участие в суде над декабристами принимали Карл Иванович Бистром¹⁹, Илларион Васильевич Васильчиков²⁰, Арсений Андреевич Закревский²¹, Павел Васильевич Голенищев-Кутузов²².

Идея воинского мемориала была подхвачена Александром III, который именно в Желтом зале в конце ноября каждый год своего правления устраивал вечер воспоминаний о битве при Мечке²³.

Важно отметить, что и Николай I, и Александр II, как мне представляется, обладали особым чувством исторической памяти. И если Николай I действовал более масштабно – устраивал в гатчинском дворце большие портретные галереи, то Александр II дополнил эту картину отдельными мазками более личной семейной истории. Для Александра II история войны 1812 года и шире – борьбы с Наполеоном – была историей не только как государя, но и как сына своих родителей. Не говоря уже о родственных чувствах к Прусскому королевскому дому.

В известной степени, может быть, не столь очевидной памятью борьбы с Наполеоном стал и Арсенальный зал, где находились полотна А.И. Шарлеманя²⁴ со сценами из Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова. Все три картины входили в личную коллекцию Александра II. Сначала они украшали Гостиную Александра II в Гатчинском дворце, а позже были перемещены в Арсенальный зал.

Памятью первой Отечественной войны была и пара пистолетов, которые хранились в комнатах Александра III. Пара пистолетов в футляре, тульского производства, работы мастера Ивана Полина²⁵, датированные 1801 г. Возможно, что пистолеты принадлежали или самому императору Александру I, или одному из высших офицеров свиты²⁶. На это указывает серебряный щиток с вензелем Александра I под короной на рукоятках. На поддоне рукояти гравированные памятные надписи: «Париж», «1812–13», «1814».

После 1917 г., когда Гатчинский дворец стал музеем, память о войне 1812 года продолжала жить в музейной экспозиции. Портреты

Джорджа Доу заняли важное место в «Зале карельской березы» и «Зале 1812 года». В год празднования 200-летнего юбилея первой Отечественной войны в Гатчинском дворце была открыта выставка «Путь к победе», в которой также можно было увидеть эти предметы как реликвии славных побед.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фридрих-Вильгельм III (1770 – 1840), король Пруссии с 1797 г.

² Луиза Августа Вильгельмина Амалия Мекленбургская (1776–1810), урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга Фридриха Вильгельма III с 1793 г.

³ Цит. по: *Высочков Л.В.* Николай I. 2-е изд., доп. М.,: Молодая гвардия, 2006. С. 31.

⁴ *Канненгисер Г.* Портрет королевы Луизы, Г-20829. Утрачен в годы Великой Отечественной войны.

⁵ Интересно заметить, что это был не единственный случай «посмертного» портрета прусской королевы. Известно, что Герард Кюгельхен написал для города Мемеля портрет королевы «по памяти и личным впечатлениям». Эта работа понравилась Фридриху-Вильгельму III, и он зимой 1816–1817 гг. заказал художнику ряд портретов членов королевской семьи. А Г. Канненгисер родился уже после смерти королевы, и, конечно, не мог сам видеть ее. Георг Канненгисер (Georg Kannengießer 1814–1900), немецкий портретист, исторический живописец, историк искусства.

⁶ Эти сведения были предоставлены д-ром Б. Гёресом, которому автор выражает глубокую благодарность.

⁷ Марианна Прусская (Мария Анна Амалия, 1785–1846), урожденная ландграфиня Гессен-Гомбургская. С 1804 г. супруга принца Вильгельма Прусского, младшего брата Фридриха-Вильгельма III.

⁸ «Gold gab ich für Eisen» – пер. с нем. «Золото отдам я за железо».

⁹ Шадов Фридрих Вильгельм (1788–1862) немецкий художник.

¹⁰ Фредерика Ангальт-Дессауская (1796–1850), урожденная принцесса Прусская, с 1818 г. супруга герцога Леопольда Ангальт-Дессау. Она была дочерью принца Луи Прусского, младшего брата Фридриха-Вильгельма III и принцессы Фридерики Мекленбург-Стрелицкой, младшей сестры королевы Луизы.

¹¹ «Дело о поступлении, размещении и хранении картин во дворце» // РГИА Ф. 491. Оп 2. Д. 676. Л. 44–44об.

¹² Доу Джордж (1781–1829), английский портретист.

¹³ Зауэрвейд Александр Иванович (1783–1844), русский художник немецкого происхождения, профессор батальной живописи Императорской Академии художеств.

¹⁴ «Дело о поступлении, размещении и хранении картин во дворце» // РГИА Ф. 491. Оп 2. Д. 676. Л. 4444об.

¹⁵ Храповицкий Михаил Евграфович (1784–1847).

¹⁶ Мартынов Павел Петрович (1782–1838).

¹⁷ Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752–1837).

¹⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825).

¹⁹ Бистром Карл Иванович (1770–1838).

²⁰ Васильчиков Илларион Васильевич (1776–1847).

²¹ Закревский Арсений Андреевич (1783–1865).

²² Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843).

²³ Битва при Мечке 12 декабря 1877 г. – битва, в которой Восточный (Руцукский) отряд Дунайской армии под командованием Цесаревича Александра Александровича одержал победу над превосходящими силами турок. В этом сражении турки потеряли около 4000 человек, а русские – менее 200.

²⁴ Шарлемань Адольф Иосифович (1826–1901), баталист, академик.

²⁵ Иван Полин (ок. 1780–1810), оружейник-конструктор Тульского оружейного завода.

²⁶ *Шокорев Ю.* Русские оружейники: мастера и фирмы. М., 2005. С. 220.